

ЛЮДИ И ПРИРОДА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

(Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников)

Опубликовано в журнале «Вопросы истории», 1987, N 11, С. 64-77.

Восточная Азия на широте Великой Китайской стены, сооруженной впервые в IV-III вв. до н.э., разделена четко ощущаемой ландшафтно-климатической границей. К югу от нее лежит зона мягкого влажного климата. В древности там росли субтропические леса, сведенные затем земледельцами, использовавшими плодородную землю под пашню. Отсюда возникло древнее название Китая – Срединная равнина. К северу расстилаются сухие степи, постепенно переходящие в пустыню Гоби, по другую сторону которой идет столь же плавный переход от сухих степей через обильно увлажненные луга к горной тайге, иногда (на склонах хребтов Хэнтея и Хантая) проникающей далеко на юг. Здесь издавна обитали охотники и рыболовы: предки тюрков, монголов и европейского народа динлинов.

Во II тыс. до н.э. местные степные этносы жили еще оседло, и некоторые из них широко практиковали земледелие и оседлое скотоводство [1]. Но жестокая засуха середины I тыс. до н.э. вызвала дефляцию около водоемов нарушенного почвенного слоя, прикрывавшего песок [2]. Ветры разносили песок по степи и сделали многие ее участки непригодными для земледелия. Пришлось перейти на скотоводство, а так как травы в засушливые эпохи было мало, то надо было перегонять скот туда, где она есть. Так в этих степях появилось кочевое скотоводство – способ приспособления хозяйственной системы к условиям, возникшим за счет сочетания климатических колебаний и ведения хозяйства древними земледельцами.

На рубеже IX-VIII вв. до н.э. в степях Центральной Азии сложился комплекс кочевых этносов, в котором ведущую роль играли хунны. Туда входили также динлины, дунху (предки сяньбийцев и монголов), усунь, кочевые тибетцы Амдо из предгорий Куньлуня. Эта многоэтническая целостность находилась в оппозиции к древнему Китаю и ираноязычному Турану (юечжи) [3]. Вплоть до 209 г. до н.э. история кочевников письменными источниками практически почти не освещена, конец же этой фазы известен достаточно подробно. Большую часть сил хунны тратили на отражение ханьской (китайской) агрессии, благодаря чему смогли сохранять независимость и целостность своей степной державы до конца I в. н.э. [4]

Разгромленные сяньбийцами в 93 г., они раскололись на четыре части, из которых одна перемещалась с сяньбийцами, вторая осела в Семиречье, третья ушла в Европу, а четвертая вошла в Китай и там погибла [5].

Второй подъем кочевых этносов имел место в середине VI в. Результатом его явилось создание Тюркского каганата, объединившего обитателей степей от Ляохэ до Дона. По масштабам каганат превосходил хуннскую державу. За все его 200-летнее существование в нем не произошло заметных сдвигов. Консерватизм этот объясним отчасти тем, что тюрки в почти неизменных условиях вели непрестанные войны с империями Суй и Тан, Ираном и Арабским халифатом, а также с завоеванными, но до конца не покорившимися степными племенами, особенно с уйгурами. В то же время многие народы – кыпчаки (половцы), кангары (печенег), карлуки, кыргызы (потомки динлинов), туркмены (потомки парфян) и монголыязычные кидани – восприняли культуру своих завоевателей и сохранили ее даже после гибели каганата в 745 г. [6]

Уйгуры, жадно впитывая иранскую (манихейство) и византийскую (несторианство) идеологию, оказались не в состоянии упрочить собственное раннефеодальное государство на р. Орхон и были разбиты енисейскими кыргызами в 840-847 гг.

Уцелевшие спаслись в оазисах бассейна Тарима, где растворились среди местных жителей, оседлых буддистов [7]. Затем до XII в. в степях не наблюдалось чьего-либо стойкого преобладания, когда новый поворот истории выдвинул одновременно чжурчжэней и монголов – создателей не только степной, но и общеконтинентальной империи [8].

Примечательно общее для всех народов Центральной Азии неприятие китайской культуры. Так, тюрки имели собственную идеологическую систему, которую они отчетливо противопоставляли китайской. После падения Уйгурского каганата уйгуры приняли манихейство, карлуки – ислам, басмалы и онгуты – несторианство, тибетцы – буддизм в его индийской форме, китайская же идеология так и не перешагнула через Великую стену. Решающим фактором борьбы с империей Тан за самостоятельность оказались, однако, не степняки, а дальневосточный лесной народ чжурчжэни, разгромивший киданей, уничтоживший в 1125 г. китаизированную империю Ляо и победивший затем империю Сун [9].

Связные сведения китайских источников о чжурчжэнях датируются еще X в., а когда в XII в. эти народы столкнулись, вспыхнула кровавая война с перевесом на стороне чжурчжэней. Учитывая историческую перспективу, следует рассматривать их наступление на Китай как ответ на более раннее вторжение танских войск в лесные области Дальнего Востока. Тут в борьбу против попытки создания сунского государства с центром в Кайфыне вступили уже не степные, а лесные народы.

Подобно степнякам, они легко усваивали материальную сторону китайской цивилизации, но оставляли в стороне чуждую им конфуцианскую идеологию. Захватив Северный Китай до р. Хуай, чжурчжэни переместили передний край войны южнее, но не смешались с покоренными китайцами. Многочисленные находки китайских вещей в чжурчжэньских городищах Маньчжурии указывают не на проникновение китайской культуры, а на обилие военной добычи. Несмотря на то что чжурчжэньские повелители именуются в китайских хрониках династией Цзинь (буквальный перевод тюрко-монгольского слова «алтан» – золото), китайцы XII в. эту династию рассматривали как иноземную, враждебную и не прекращали борьбы против «варваров». Узел противоречий завязан был столь туго, что разрубить его смог только Чингис в XIII в.

Пожалуй, о немногих исторических явлениях существует столько превратных мнений, сколько о создании в XIII в. Монгольской империи. Монголам, противопоставляемым иным народам, приписываются исключительная свирепость, кровожадность и стремление завоевать чуть ли не весь мир. Первичным основанием для такого мнения послужили многие антимонгольские сочинения XIV в., порожденные ненавистью к завоевателям. Не станем вдаваться в детали исторической критики, что уже было проделано [10], и приведем лишь некоторые цифры. В Монголии к началу XIII в. обитало около 700 тыс. человек в составе различных племен [11], в Северном и Южном Китае – 80 млн.: в Хорезмийском государстве – около 20 млн.: в Восточной Европе – приблизительно 8 млн. чел. Если при таком соотношении людских сил монголы одерживали победы, то ясно, что сопротивление им было в целом довольно слабым. Действительно, XIII в. – это эпоха кризиса феодализма у соседей монголов.

Что касается борьбы на уничтожение сопротивляющихся, то напомним о некоторых фактах. Чжурчжэни вели с монголами с 1135 г. войну на физическое истребление последних. Через 100 лет монголы победили, но сами не истребили чжурчжэней. В 1227 г. монголы завоевали Тангутское царство, однако рукописи Хара-Хото на языке тангутов, свидетельствующие о развитии их культуры, датируются и XIII, и XIV веками. А вот когда в 1372 г. китайцы империи

Мин, воевавшие против монголов, заняли тангутскую землю, то тангутов с тех пор не стало. Половцы в 1208 г. приняли к себе монгольских врагов – меркитов, почему и пострадали вместе с последними [12]. Хорезмшах Мухаммед, нарушив обычаи всех времен и казнив монгольских подданных, оскорбил послов Чингиса; вспыхнула война, и Хорезмское государство было разрушено, но тюркское и иранское население в Средней Азии все-таки сохранилось.

Конечно, тогдашние монголы были воинственными кочевниками. В XIII в. миролюбие нигде, включая Европу, не считалось достоинством, и кочевые монголы по степени «свирепости» находились вполне на уровне своего времени. Гунны, авары, чжурчжэни, хорезмийцы, половцы, крестоносцы и многие другие были ничуть не «добрее». Войны, в которые монголы оказались втянуты, явились следствием не дурных личных качеств Чингиса, а логическим развитием социально-экономических коллизий, возникавших при соперничестве феодальных государств, при столкновениях активных этносов. Столь грандиозные события не могут зависеть только от капризов правителя, как это исчерпывающе доказано теорией исторического материализма. Нам здесь важно отметить другое: почему монголы, сознававшие ограниченность своих сил, шли на риск войны и одерживали победы? Из ряда факторов укажем на следующие: их противники переоценивали свои силы и недооценивали силы врага.

Точно так же произошло с арабами в VII в., когда Византия, недооценившая рост Халифата, потеряла половину своих владений, а Иран – независимость. Мы не забываем при этом ни о качествах войска, ни о социальных процессах. Так, феодальные государства XIII в. раздробились ранее именно в силу действия этих последних.

Что же крепкого было у монголов, что способствовало их победам? Родиной монголов являлось Восточное Забайкалье севернее р. Керулен. Чингис родился в урочище Делюн-Болдох, в 8 км к северу от современной советско-монгольской границы. Эта местность сочетала степные просторы и лесные дебри, была удобна и для кочевого скотоводства, и для лесной охоты. Сейчас там существуют курортные условия [13].

Рядом расстилалась степь, постепенно оправлявшаяся от засухи X в. По мере восстановления пастбищных угодий народы Сибири заселяли долины Онона, Керулена, Орхона и Селенги. Монголы поселились там, где некогда процветали древние тюрки, и унаследовали от них их историческую функцию защиты степи от китайской агрессии с юга.

Основным элементом монгольского общества был род (обох), находившийся на стадии разложения. Во главе родов стояла аристократия. Представители ее носили почетные звания: бахадур (богатырь), нойон (господин), сецен (мудрый) и тайши (царевич, член царского рода). Бахадур и нойоны обычно возглавляли походы для приобретения рабов (для ухода за скотом и юртами) и пастбищ. Прочими слоями рода были: нухуры (дружинники) и харачу (члены рода низшего происхождения, черная кость). Богол (рабы) находились вне рода. Целые роды, покоренные некогда более сильными соседями или примкнувшие к ним добровольно (упаган богол), не лишались личной свободы и, по существу, мало отличались в правовом отношении от победителей.

Низкий уровень развития производительных сил и торговли, порою меновой, специфика кочевого скотоводческого хозяйства [14] не давали возможности широко применять подневольный труд. Рабы использовались чаще как домашняя прислуга, и рабство не влияло существенно на характер производственных отношений. Но еще сохранялись такие основы родового строя, как совместное владение угодьями (нутук), жертвоприношения предкам, кровная месть и связанные с нею усобицы, причем все это входило в компетенцию не отдельного лица, а рода в целом. У монголов были прочны представления о родовом коллективе как основе социальной жизни, о коллективной ответственности за судьбу рода, об обязательной взаимовыручке. Член рода всегда чувствовал поддержку своего коллектива и сам постоянно был

готовов выполнить обязанности, налагаемые на него коллективом.

Эти роды охватывали население Монголии уже только в принципе. В связи с разложением общины имелось множество людей, которых тяготила ее дисциплина, при которой фактическая власть принадлежала старейшинам, а прочие, несмотря на любые заслуги, должны были довольствоваться второстепенным положением. Те бахадурь, которые не мирились с необходимостью быть на последних ролях, отделялись от общин, покидали свои курени и становились «людьми длинной воли», или «свободного состояния» (в китайской передаче – байшень – «белотелые», т.е. «белая кость»).

Судьба этих людей часто была трагична: лишенные общественной поддержки, они принуждены были добывать себе пропитание трудоемкой лесной охотой, которая в отличие от облавной, степной, менее прибыльна. К тому же монголы обычно не ели перелетных птиц и лишь в крайнем случае употребляли в пищу рыбу.

Чтобы добыть конину или баранину, изгнанникам приходилось систематически заниматься разбоем. С течением времени они стали составлять отдельные отряды для сопротивления организованным соплеменникам и искать вождей для борьбы с родовыми объединениями. Численность таких групп неуклонно росла. Наконец, в их среде оказался сын погибшего племенного вождя, потерявший состояние и общественное положение, член знатного рода Борджигинов Тэмучин, впоследствии ставший ханом с титулом Чингис [15]. Эти события привели затем к объединению ряда монгольских и тюркских племен в единую военную державу. Инертные, или пассивные, члены рода подчинились «людям длинной воли».

Первыми врагами монголов оказались чжурчжэни. Первая их война (1135-1147) окончилась победой монголов. Чжурчжэни, связанные войною с Китаем, обязались платить дань. В 1161 г. они возобновили набеги на степь «для уменьшения рабов и истребления людей» [16], закончившиеся в 1189 г. без реального результата. В решающей, третьей войне (1211-1235) китайцы империи Сун выступили против чжурчжэней как союзники монголов, однако потерпели ряд поражений, и вся тяжесть войны легла на плечи монголов. Но после того, как монголы победили чжурчжэней, китайцы потребовали от монголов передачи им земель, отнятых у чжурчжэней.

Попытка договориться кончилась тем, что китайцы убили монгольских послов. Это вызвало длительную войну, осложненную для монголов тем, что их конница не могла развернуться в джунглях Южного Китая и была бессильна против китайских крепостей. Перелом наступил лишь в 1257 г. вследствие рейда Урянгхада, который с небольшим отрядом вышел через Сычуань к Индокитаю и поднял местные бирманские, тайские и вьетнамские племена против сунцев. Так малочисленные монголы победили огромный Китай, объединив те дальневосточные народы, которые не соглашались стать объектом китаизации. К 1279 г. все было кончено [17]. Но кончились и успехи монголов. За 80 лет постоянной войны погибли многие «люди длинной воли» и их потомки. Монголия опять превратилась в нищую страну с огромным довеском в виде Китая. Приобретение такого «довеска» не пошло на пользу монголам. Слишком различались между собой эти две страны [18]. Хан Хубилай, основатель династии Юань, велел засеять один из дворов своей резиденции степными травами, чтобы отдыхать в привычной обстановке.

Китайцы долгое время не ели молочных продуктов, чтобы не походить на ненавистных им степняков. Не произошло даже частичной ассимиляции, ибо монголо-китайские метисы чаще всего извергались из того и другого этноса, вследствие чего гибли. А ведь с мусульманами и с русскими монголы охотно вступали в браки. Только лиц иудейского вероисповедания монголы чуждались больше, чем китайцев: освободив от податей духовенство всех религий, они сделали исключение для раввинов, с которых налог взимали [19]. Ожесточение китайцев против монголов вылилось в ряд восстаний. Одно из них, движение «красных повязок», началось в 1351

г. с того, что по знаку тайной организации «Белый лотос» монгольские воины, находившиеся на постое, были зарезаны в постелях хозяевами домов [20]. Годовщина этого события доньше отмечается китайцами как национальный праздник.

По-иному сложилась судьба западных монголов из улусов Джучи (Золотая Орда), Чагатая и Хулагу (Иран), а также джунгарских. Тесная связь Хубилая с завоеванным Китаем, из которого он черпал средства и силы, уже в 1259 г. вызвала раскол среди монголов. Противники Хубилая выдвинули на пост хана его брата Ариг-бугу, а после его гибели в 1264 г. – еще одного чингисида, Хайду, владевшего уделом в Джунгарии. На стороне Хубилая выступали иранские монголы. Хайду, опираясь на кочевые традиции, вел войну против восточных монголов до 1304 г. Его поддержали также наследники Батыея, заключившие союз с русскими князьями. Александр Невский был активным членом этого союза. Поэтому даже после его кончины, с одной стороны, монгольская конница участвовала в отпоре ливонским рыцарям в 1269 г. [21], с другой – ханы, сидевшие на Нижней Волге, пресекали дальнейшее вторжение в Восточную Европу азиатских кочевников, сторонников династии Юань. Произошло разделение монголов на восточных и западных (ойратов) [22].

Поволжские монголы-несториане в 1312 г. отказали в повиновении узурпатору хану Узбеку, принуждавшему их принять ислам. Часть их погибла во внутренней войне (1312-1315), а уцелевшие спаслись к единоверцам на Русь и вошли в состав московских ратей, громивших Мамая на Куликовом поле и остановивших затем натиск Литвы [23]. Иранские монголы приняли ислам в 1295 г. Их потомки – хезарейцы поныне живут в Хазараджате – равнинной части Афганистана. Самая воинственная часть монголов поселилась в Джунгарии, где создала ойратский племенной союз.

Именно ойраты приняли на себя функцию, которую ранее несли хунны, тюрки и уйгуры, став барьером против агрессии Китая на север, и осуществляли эту роль до 1758 г., пока маньчжуро-китайские войска династии Цинь не истребили этот мужественный этнос.

Вернемся, однако, в Китай, где в XIV в. власть от монголов перешла к собственно китайской династии Мин. Война за освобождение Китая от монголов тянулась с 1351 по 1368 г. Она продолжалась и после ухода последних монгольских войск за Гоби.

Новая династия Мин восприняла стародавние устремления династий Хань и Тан и в свою очередь попыталась захватить Монголию. В 1449 г. китайцев остановили именно ойраты, нанешие им сокрушительное поражение при Туму, причем был взят в плен император. Эта битва спасла и Монголию, и фактически жизнь монголов. Удачнее для минцев оказалась агрессия на восток и юг. Ее объектами стали Корея, Тибет, Вьетнам, Индонезия и Южные моря Малайского архипелага, где в 1405-1430 гг. свирепствовал китайский флот. Но попытки китайцев покорить Маньчжурию оказались безрезультатными.

В XVII в. маньчжуры сами перешли в наступление. Воспользовавшись междоусобицей в Китае, они захватили в 1644-1647 гг. всю страну. Антиманьчжурские восстания длились до 1683 г. Маньчжурам удалось за полвека сделать то, к чему безуспешно стремились китайцы две тысячи лет, – объединить Восточную Азию. Но агрессия маньчжур была политической, а не этнической. Маньчжур было мало, прирост населения у них был невелик. Завоевав Китай, маньчжуры были вынуждены держать там гарнизоны. Почти все их юноши служили на чужбине и не имели своих семей.

Став хозяевами Китая, богдыханы превратились в императоров династии Цин, которую позднее постигла такая же судьба, как и другие более ранние иноплеменные династии Китая.

Возвращаясь к более ранней эпохе и подводя некоторые итоги вышесказанному, отметим, что, хотя хунны, тюрки и монголы весьма различались между собой, все они оказались в свое время барьером, удерживавшим натиск Китая на границе степей.

Следовательно, общность их действий лежит на порядок выше просто этнической и является результатом сочетания природных условий и социально-политических обстоятельств. В самом деле, поддержание системы кочевого хозяйства при резких колебаниях климата и необходимость постоянного сопротивления агрессии – ханьской, танской и минской – в значительной мере определили схожесть характера социальных отношений и развития центральноазиатских этнических целостностей. В этой жестокой борьбе лежит одна из причин своеобразной застойности народов Срединной Азии. Они не уступали европейцам ни в талантах, ни в уме. Но силы, которые другие народы употребили на развитие культуры, тюрки и уйгуры были вынуждены тратить, помимо прочего, еще и на защиту своей независимости. За сотни лет они не имели ни года покоя и все же вышли из столкновений победителями, отстаивая родную землю.

В этой связи целесообразно поставить вопрос: чем же были вызваны неоднократный подъем и упадок кочевых народов, обладавших неизменно в течение двух тысяч лет одним типом хозяйства – кочевым скотоводством, которое мало нуждается в технических усовершенствованиях? Потому оно и остается примерно на том же уровне производительных сил и может рассматриваться как параметр, т.е. исходная точка отсчета. Для Западной Европы это неприемлемо потому, что влажный, морской климат даст меньшие перепады, нежели интенсивное развитие социосферы: производительных сил и производственных отношений.

Внутри континента наоборот: природные условия, особенно степени увлажнения степной зоны, меняются очень сильно и часто. За 2000 лет отмечены три засушливых столетия: III, X и XVI в. [24], причем на западе Великой степи идет зимнее циклональное увлажнение: снегопады и оттепели, а на востоке – в Монголии – летнее: мало снега зимой и весенние дожди, приносимые тихоокеанскими муссонами, что дает возможность скотоводам кочевать круглый год, без заготовок сена [25].

На западе же экстрааридные районы находятся лишь в Приаралье.

В зависимости от активности Солнца циклоны и муссоны порой смещаются к северу – в лесную и арктическую зоны [26]. Тогда в Монголии и Казахстане расширяются пустыни: Гоби и Бетпак-Дала, – тайга отступает в Сибирь, уступая место степи, а в Китае отходят на юг субтропические леса; на их месте появляются песчаные барханы с тамариском, немного закрепляющим песок [27]. Как только циклоны и муссоны возвращаются назад, пустыня сужается, и окраины зарастают степными травами, а леса наступают с юга и севера [28]. Этот географический феномен легко увязывается с экономикой кочевников, достаток которых зависит от площади пастбищных угодий. Поскольку климатические колебания в Центральной Азии относительно продолжительны – от 150 до 300 лет, возникает возможность сопоставить эти явления с колебаниями мощи кочевых держав в извечной войне против Китая.

В свое время мыслители XVI-XVIII вв. Ж. Боден, Ж.Л. Монтескье и И.Г. Гердер, в соответствии с научным уровнем их эпохи, предполагали, что все проявления человеческой деятельности, в том числе культура, психологический склад, форма правления и т.д., определяются природой стран, населенных разными народами. Эту точку зрения в наше время всерьез не разделяет никто. Но и обратная концепция, вообще отрицающая значение географической среды для истории и удачно названная акад. С.В. Калесником «географическим нигилизмом» [29], не лучше. Тот факт, что географическая среда не влияет на смену социально-экономических формаций, бесспорен, признание подобного влияния было бы географическим детерминизмом. Но могут ли вековые засухи или трансгрессии внутренних водоемов, скажем – Каспия или озера Чад, не воздействовать на хозяйство затронутых ими регионов? [30].

Например, подъем уровня Каспийского моря в VI-XIV вв. на 18 м не очень повлиял на его южные, гористые берега, однако на севере огромная и населенная площадь Хазарии оказалась

затопленной. Это бедствие так подорвало ее хозяйство, что, с одной стороны, заставило хазар, покинув родину, расселиться по Дону и Средней Волге, а с другой – повело к разгрому Хазарского каганата в 965 г. дружинами киевского князя Святослава. Аналогичных случаев в истории немало.

Вот почему следует определить компетенцию физической географии в этнической истории. Суть дела состоит в корректной постановке общих для истории и географии проблем и в разработке методики такого исследования. Для соответствующего анализа системный подход важен здесь как способ организации огромного и разнообразного исторического материала. Используя его применительно к XII-XIII вв., мы находим определенный смысл в таких, допустим, понятиях, как «христианский мир», который включал в себя кельто-романо-германскую католическую Западную Европу; «мусульманский мир», тоже являющийся некоей системой, а отнюдь не только районом исповедания одинаковой веры, ибо, к примеру, в Египте господствовали близкие к карматам Фатимиды, которых сунниты не признавали за мусульман; Индия – не только полуостров, но и историко-культурная целостность, связанная, в частности, кастовой системой; Китай, не считавший в то время «своими» ни чжурчжэней, ни тангутов, ни монголов. А эти последние вместе с кыпчаками составляли тоже особую систему, несмотря на постоянные межплеменные войны, которые, между прочим, являлись в то время одним из средств общения. Ведь французские феодалы или русские удельные князья тоже постоянно воевали друг с другом, но это не нарушало этно-культурное единство Франции или Великого княжества Киевского, несмотря на их политическую раздробленность в XII-XIII вв.

Учет историко-культурных целостностей – только полдела, ибо они всегда находятся в географической среде, с которой постоянно взаимодействуют. Развитие культуры тесно связано также с техносферой (хотя и находящейся на поверхности Земли, но качественно отличающейся от биосферы, к которой сопричастны физические тела людей) и с обществом. Общество – социосфера – развивается спонтанно, согласно закономерностям, имманентно ему присущим и открытым марксистской наукой. Таковы основные параметры этнической истории, а воздействие географической среды, т. е. тех или иных ландшафтов, – лишь один из параметров. Пренебрежение же им, как и любым иным, делает исследование неполным, тем самым и неполноценным.

Вот правильная дефиниция: «Историческая география изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых эпох» [31]. Так, исторические материалы широко применяются как источник для восстановления древних климатических условий жизни. В этом плане развивалась известная полемика между акад. Л.С. Бергом [32] и вице-президентом Географического общества СССР Г.Е. Грумм-Гржимайло [33] по вопросу об усыхании Центральной Азии. Связанную с этим вопросом проблему колебаний уровня Каспийского моря в I тыс. н.э. пытались решить также путем подбора цитат из сочинений древних авторов [34] и русских летописей [35]. В обоих случаях итоги трудоемких исследований не оправдали ожиданий. Иногда сведения источников подтверждались, иногда же проверка другим путем опровергала их.

Отсюда вытекает, что совпадение полученных данных с истиной, добытой путем многих уточнений, бывает делом случая, что свидетельствует о несовершенстве методики исследования. В самом деле, путь простых ссылок на сочинение древнего или средневекового автора легко может привести к ложному или неточному выводу.

Ведь летописцы упоминали о явлениях природы либо между прочим, либо исходя из представлений своего времени, когда грозы, наводнения и засухи трактовались как предзнаменования или божье наказание за грехи. И тут, и там явления природы описывались выборочно, причем если они оказывались в поле зрения автора. А сколько их было упущено, мы

не можем даже догадаться. Один автор обращал внимание на природу, другой, в следующем веке, не обращал. Поэтому может оказаться, что в сухое время дожди как явление редкое и важное упомянуты чаще, чем во влажное, когда они привычны, Историческая критика тут помочь не в состоянии, потому что по отношению к пропускам событий, не связанных причинно-следственной зависимостью, она бессильна.

Древние авторы обычно писали свои сочинения ради определенных целей и нередко применяли в качестве литературного приема экзажерацию – преувеличение значения интересовавших их событий. Степень же такого преувеличения или преуменьшения определить трудно. Так, Л.С. Берг на основании сведений из исторических сочинений сделал вывод, что превращение культурных земель в пустыни является следствием войн [36]. Такая точка зрения принимается подчас некритично, а в качестве примера чаще всего приводится открытие П.К. Козловым в 1909 г. мертвого тангутского города Эцзинай (монгольское название Урахай, китайское – Хэйшучен), шире известного как Хара-Хото [37].

Каково же местоположения данного города и что привело к его гибели? Тангутское царство Си-Ся тибето-бирманских племен миняг располагалось в Ордосе и Алашани, в тех местах, где ныне простерлись песчаные пустыни. Казалось бы, это государство должно было быть бедным и малолюдным. На деле же оно содержало армию в 150 тыс. всадников, имело университет, школы, судопроизводство и даже дефицитную торговлю, ибо больше ввозило, чем вывозило. Дефицит покрывался отчасти золотым песком из тибетских владений, а главное – экспортом скота, который составлял основное богатство тангутов (так называли минягов монголы) [38]. Город, обнаруженный русским путешественником, расположен в низовьях р. Эдзин-Гол, в безводной ныне местности. Две старицы, окружающие его с востока и запада, свидетельствуют, что вода там имела. Но река сместила русло к западу и сейчас впадает двумя рукавами в соленое озеро Гашун-Нур и пресное Сого-Нур.

П.К. Козлов описывает долину Сого-Нур как оазис среди окружающей его пустыни и вместе с тем отмечает, что большое население прокормиться тут не в состоянии. А ведь только цитадель города Эцзинай представляет собой прямоугольник, площадь которого равна 440 360 метров. Внутри стен с бастиянами, башнями и субурганями (культовые сооружения) имелись лавки, мастерские, постоянные дворы, склады, жилые помещения. Вокруг прослеживаются следы менее капитальных строений и фрагменты керамики, указывающие на наличие слобод. Далее располагались усадьбы и пашни с системой каналов.

Разрушение города часто приписывают монголам. Действительно в 1226 г. Чингис взял тангутскую столицу, и монголы жестоко расправились с минягами [39]. Но город продолжал жить еще и в XIV в., о чем свидетельствует датировка многочисленных документов, найденных в 1909 г. Кроме того, гибель города связана с изменением течения реки, которая, согласно преданиям торгоутов (ойратское племя), была отведена осаждавшими посредством плотины из мешков с землей.

Плотина сохранилась до сих пор в виде вала. Однако в описаниях взятия города нет таких сведений, да и у монгольской конницы не было необходимых приспособлений и шанцевого инструмента. В действительности город погиб в 1372 г., когда был взят китайскими войсками династии Мин, ведшей в то время войну с последними Чингисидами, и разорен как опорная точка монголов, угрожавших Китаю с Запада.

Постепенно миняги ассимилировались тибетцами, монголами и китайцами, а письмо Си-Ся позабыли только к XVII в. [40]

Почему же город не воскрес? Изменения течения реки – не причина, т.к. город мог бы передвинуться на другой приток Эдзин-Гола. И на этот вопрос имеется ответ в книге П.К. Козлова. С присущей ему наблюдательностью он отмечал, что количество воды в Эдзин-Голе

сокращается, озеро Сого-Нур мелеет и зарастает камышом, некоторую роль играет и перемещение русла реки на запад, но это не служит единственной причиной того, почему страна, в XIII в. кормившая немалое население, к началу XX в. превратилась в песчаную пустыню. Главную роль сыграли изменения климата, описанные в специальных работах [41].

Конечно, не случайно именно Чингису и Чингисидам приписывалось опустошение Азии, в то время как некоторые другие события не меньшего масштаба (например, разгром уйгуров кыргызами в 841-845 гг., поголовное истребление ойратов маньчжурским императором Цяньлуном в 1756-1759 гг.) [42] остались вне общего поля зрения.

Причина лежит не в самой истории народов, а в историографии. Составляющие в литературе эпоху сочинения по истории пишутся не очень часто и не по всякому поводу. Кроме того, не все они дошли до нас. XIV-XV вв. были на Ближнем Востоке временем расцвета литературы, а борьба с монгольским игом являлась тогда самой актуальной проблемой и в Иране, и на Руси, Вот почему ей посвящено множество сочинений, которые к тому же уцелели. Среди них был ряд талантливых и ярких трудов, известных нам. Они вызывали и подражания, и повторения, что увеличивало общее количество работ по данному вопросу. Истребление же ойратов не нашло своего историка.

Так и оказалось, что эти события освещены неравномерно, а значение их несколько искажено, поскольку они представлены в разных масштабах. Отсюда и возникла постепенно гипотеза, приписывающая воинам Чингиса полное изменение ландшафта завоеванных стран. Между тем наибольшему усыханию подверглись не разрушенные страны, а Уйгурия, где войны тогда совсем не было, и Джунгария, где уничтожать травянистые степи вообще никто не собирался.

Другую крайность представляет идея считать походы монголов XIII в. обычными миграциями, которые сопровождались сопутствующими переселениям войнами. Этой идее поддались даже некоторые видные ученые [43]. Однако монгольские походы вовсе не были миграциями. Победы одерживали не рыхлые скопища кочевников, а хорошо организованные мобильные отряды, после боевых кампаний возвращавшиеся в родные степи. Число выселившихся было для XIII в. ничтожным. Так, ханы ветви Джучидов Батый и Орда-Ичэн получили по завещанию Чингиса лишь 4 тыс. всадников (с семьями – около 20 тыс. человек), которые расселились на огромной территории от Карпат до Алтая. И наоборот, подлинная миграция калмыков в XVII в. осталась не замеченной большинством историков вследствие того, что не нашла должного резонанса в трудах по всемирной истории.

Следовательно, для решения поставленных проблем требуется гораздо более солидное знание истории, нежели то, которое можно почерпнуть, допустим, из сводных работ, и более детальное знание географии, чем то, которым порою ограничиваются историки или экономисты. Самое главное здесь – отслоить достоверную информацию от субъективного восприятия событий авторами письменных источников. Достоверной информацией мы называем сведения источников, прошедшие через горнило исторической критики и получившие интерпретацию, не вызывающую сомнений. Таких сведений – громадное количество, причем подавляющая их часть относится к политической истории. Мы хорошо знаем даты и подробности сражений, мирных договоров, дворцовых переворотов, великих открытий. Но как употребить эти сведения для объяснения природных явлений? Методика сопоставления такого рода фактов с изменениями в природе начала разрабатываться только в XX в. Наивное стремление свести подъемы или упадки хозяйства в разных странах, допустим, к периодам повышенного или пониженного увлажнения, похолодания и потепления основано на игнорировании роли экономики и социальных факторов, примат которых в большинстве случаев не подлежит сомнению.

Так, увеличение ввоза прибалтийского и русского зерна в Средиземноморье и уменьшение поголовья овец в Испании XVI-XVII вв. легче сопоставить с разрушениями, нанесенными европейским странам Реформацией и Контрреформацией, нежели с незначительными изменениями годовых температур [44]. Действительно, и Германия, на территории которой происходила опустошительная Тридцатилетняя война (1618-1648), равно как и не подвергшаяся опустошению Испания имели тогда отрицательный прирост населения, составлявшего в Испании в 1600 г, 8 млн. человек, а в 1700 г, – 7,3 миллиона [45]. Последнее объясняется тем, что значительная часть молодежи отправилась из Испании в Америку либо в Нидерланды, вследствие чего не хватало людей для поддержания хозяйства и устройства семьи.

Это означает, что, отыскивая прямую зависимость тех или иных событий от климатических изменений, мы должны быть уверены, что объяснение интересующего нас явления за счет экономических, социальных, этнографических и т.п. факторов, их комбинаций или даже просто случайностей – исключено. В старой географии не было точной методики определения абсолютных дат. Ошибка в тысячу лет считалась вполне допустимой. Легко установить, например, что в таком-то районе наносы ила перекрыли слои суглинка, и отметить обводнение; но невозможно точно сказать, когда оно произошло – 500 или 5000 лет тому назад. Анализ пыльцы указывает на наличие в древности сухолюбивых растений на том месте, где ныне растут влаголюбивые. Однако нет гарантии, что заболачивание долины не произошло от смещения русла ближней реки, а не от перемены климата. В степях Монголии и Казахстана обнаружены остатки роц, про которые нельзя сказать, погибли ли они от усыхания или были вырублены людьми. И даже если будет доказано последнее, то останется неизвестным точное время этой расправы человека над ландшафтом [46].

Определенная зависимость человека от окружающей его географической среды никогда не оспаривалась. Различно расценивалась лишь степень этой зависимости. В любом случае хозяйственная жизнь народов тесно связана с ландшафтом и климатом обитаемых территорий. Подъем и упадок экономики древних эпох проследить бывает довольно трудно из-за неполноценности информации, получаемой из первоисточников.

Но имеется такой индикатор, как военное могущество. Ясно, что нищающая страна с голодающим населением не могла бы дать средства, необходимые для длительной и успешной войны. Для крупного похода надо было не только иметь сытых, сильных и неутомленных людей, способных натягивать тугой лук «до уха» (это позволяло метать стрелы на 700 м, тогда как при натягивании «до глаза» дальность полета стрелы составляла 400 м) и долго фехтовать тяжелым мечом или кривой саблей, но и иметь коней, примерно по 4-5 на человека с учетом обоза или вьюков. Требовался запас стрел, а изготовление их – дело трудоемкое. Нужны были запасы провианта, например, для кочевников – отара овец, следовательно – и пастухи при ней. Нужна резервная стража для охраны женщин и детей... Короче говоря, война стоила очень дорого. Вести ее за счет врага можно было только после значительной победы в богатой стране. Но чтобы ее одержать, требуются крепкий тыл, цветущее хозяйство и, значит, оптимальные природные условия.

О значении таких географических условий, как рельеф, для военной истории говорилось давно. Достаточно напомнить, что битву при Тразименском озере в 217 г, до н.э. Ганнибал выиграл, использовав несколько глубоких долин, расположенных под углом в 90° к берегу озера и дороге, по которой шли римские войска.

Благодаря такой диспозиции он атаковал римлян сразу в трех местах и победил. При Киноскефалах в 197 г, до н.э. тяжелая фаланга македонского царя Филиппа V на пересеченной местности рассыпалась, и римские манипулы консула Фламинина перебили врагов, потерявших строй. Подобные примеры всегда были в поле зрения историков и дали повод еще И.Н. Болтину

сделать знаменитое замечание: «У историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание» [47].

Сейчас вопрос ставится иначе: не только о том, как влияет географическая среда на людей, но и в какой степени сами люди являются составной частью земной оболочки, именуемую биосферой [48], а также на какие именно закономерности жизни человечества влияет географическая среда и на какие – не влияет? Говоря об истории, мы обычно имеем в виду общественную форму движения материи – прогрессивное развитие человечества. На его внутренние закономерности ни географические, ни биологические воздействия существенно влиять не могут. Однако каждый человек в отдельности является не только членом общества, но и физическим телом, которое подвержено тяготению и другим природным законам; организмом со всеми его биологическими функциями; млекопитающим, входящим в биоценоз населяемого ландшафта; членом определенного этноса (племени, народности и т.п.).

Поэтому человек подвержен воздействиям и гравитации, и инфекции, и голода вследствие изменений ландшафта, и процессов этногенеза, которые иногда совпадают с общественными процессами, а иногда не совпадают. Таким образом, на современном уровне науки в историческое понятие «географический источник» следует ввести, помимо ландшафтного окружения, географические особенности развития этносов.

Значит, не только история без географии встречает «протыкание», но и физическая география без истории будет выглядеть крайне однобоко. Отсюда вытекает, что обязательно нужно пользоваться историческими данными для изучения палеогеографии того или иного периода, причем с учетом конкретных обстоятельств. При этом следует ориентироваться не на буквальные публикации источников, а на канву событий, отслоенных и очищенных от первичного изложения. Только тогда будет ясна соразмерность фактов, когда они сведены в одномасштабный причинно-следственный ряд. В результате исключается также тенденциозность источника или малая осведомленность его автора. То, что для историка станет завершением работы, для географа окажется отправной точкой. Будут исключены те события, причины которых известны и относятся к иной сфере, например спонтанному развитию социально-экономических формаций либо к личным поступкам политических деятелей.

Останется сфера этногенеза и миграций. Тут-то и вступит в силу взаимодействие общества с природой.

Особенно это прослеживается, когда главную роль играет еще натуральное или простое товарное хозяйство. Ведь способ производства определяется первоначально теми экономическими возможностями, которые возникают в природных условиях конкретной территории, кормящей племя или народность. Род занятий подсказывается ландшафтом и постепенно направляет развитие материальной, а отчасти и духовной культуры возникшей этнической целостности. Когда же данный этнос исчезнет, то памятником его эпохи останется археологическая культура, свидетельствующая о характере хозяйства этого народа, а следовательно, и о природных условиях эпохи, в которой оно бытовало. Тем самым мы оказываемся в состоянии отчлнить исторические события политического характера от событий, обусловленных преимущественно изменениями физико-географических условий.

Все народы Земли живут в ландшафтах, за счет природы. Но ландшафты разнообразны, разнообразны и народы; ибо, как бы сильно ни видоизменяли они свой ландшафт, путем ли создания антропогенного (порожденного деятельностью человека) рельефа или путем реконструкции флоры и фауны, людям поневоле приходится кормиться тем, что они сами могут извлечь из природы на той территории, которую этнос либо заселяет, либо прямо или опосредованно контролирует. Однако ландшафты тоже меняются, Они имеют свою динамику развития, свою историю, А когда ландшафт изменится до неузнаваемости, люди должны будут

либо приспособиться к новым условиям, либо умереть, либо переселиться на другое место.

Так возникает проблема миграций. Модификация ландшафтов – не единственная их причина. Они назревают также при демографических взрывах или при общественных толчках. Любопытно, что в любом случае переселенцы станут искать условия, подобные тем, к которым они привыкли у себя на родине. Англичане охотно переселялись в страны с умеренным климатом, особенно в степи Северной Америки, Южной Африки и Австралии, где можно разводить овец. Тропические районы их особенно не манили, и там они выступали преимущественно в роли колониальных чиновников или купцов, т.е. людей, живущих за счет местного населения. Это, конечно, тоже миграция, но иного характера. Испанцы колонизовали местности с сухим и жарким климатом, оставляя без внимания тропические леса. Они хорошо прижились в аргентинской пампе, где истребили тэульчей, майя же в тропических джунглях Юкатана сохранились. Якуты проникли в долину р. Лены и развели там лошадей, имитируя прежнюю жизнь на берегах Байкала, но не посягали на водораздельные таежные массивы, оставив их эвенкам. Русские землепроходцы в XVII в. прошли сквозь всю Сибирь, а заселили только лесостепную окраину тайги и берега рек – ландшафты, сходные с теми, где сложились в этнос их предки. Равным образом просторы «Дикого поля» освоили в XVIII-XIX вв. украинцы.

Приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод о влиянии ландшафта на этнические сообщества. Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все биологические особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, острова накладывают свой отпечаток на организм. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться или вымереть. В освещаемом нами аспекте проблемы данный фактор дополняет историческое исследование, позволяя полнее анализировать этногенез вообще, у кочевников – в частности.

Поскольку миграции степных этносов нами обстоятельно рассмотрены в специальной работе [49], можно обратиться к формулировке вывода. Если рассматривать этносы как часть биосферы, с особыми, только им присущими чертами: техникой и социальным развитием, что разработано в эмпирическом обобщении теории – этногенеза, то характер взаимоотношений общества и природы проявится в этнической истории не только кочевых, но и оседлых народов. Однако вскрыть эту взаимообусловленность удалось путем детального изучения именно кочевников, так как здесь она выражена более четко, чем у народов оседлых. Сохранение кочевыми народами своих форм быта и хозяйства позволяет осветить донныне не разработанную проблему.

Примечания

notes

[1] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

[2] Гумилев Л.Н, Гаель А.Г. Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижения народов за исторический период. – «Изв. АН СССР, сер, географ.», 1966, N 1.

[3] Гумилев Л.Н. С.И. Руденко и современная этнография аридной зоны евразийского континента. – В кн.: Этнография народов СССР. Л., 1971, С. 10-12

- [4] Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960, С.218-220
- [5] Там же, С.241
- [6] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., «Наука», 1967, С. 428
- [7] Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, С.55-56
- [8] Окладников А.Н. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, С. 221-225
- [9] Очерки истории Китая. М., 1959, С. 344-349
- [10] Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- [11] Мункуев Н.П. Заметка о древних монголах. – В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- [12] Гумилев Л.Н. Нужна ли география гуманитариям? – В кн.: Славяно-русская этнография. М., 1973, С. 96
- [13] Фриш В.А. Жемчужина Южного Забайкалья (Боры в Онон-ских степях). – «Природа», 1966, N 6.
- [14] Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. А., 1934, С. 33 и след.
- [15] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, С.207
- [16] Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. – Записки Геогр. О-ва. СПб., 1857, С. 27
- [17] Grousset R. L'Empire Mongol. Paris, 1929. t. II, С. 447
- [18] Мункуев Н.П. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1985.
- [19] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I, II. М., 1960, С.159
- [20] Боровкова Л.А.: О борьбе китайского народа против монгольских завоевателей в середине XIV в. – В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, С. 425-426
- [21] Насонов А.Н. Монголы и Русь. М. – Л., 1940, С. 20-21
- [22] Грумм-Гржимайло Г.Е. Как произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных? – «Известия Государственного географического общества», вып 2, 1933.
- [23] Гумилев Л.Н. Эпоха Куликовской битвы. – «Огонек», 1980, N 36.
- [24] Гумилев Л.Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.). – В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
- [25] Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период. – В кн.: «Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга», XIII – XIV, Л., 1968, С. 118-134.
- [26] Абросов В.Н. Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон. – «Известия ВГО», 1962, N 4.
- [27] Петров М.П. По степям и пустыням Центрального Китая. – «Природа», 1959, N II, С.75 и сл.
- [28] Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии. – «Народы Азии и Африки», 1966, N 4, С.85-94.
- Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. – «История СССР», 1967, N 1, С.53-66.
- [29] Колесник С.В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970, С. 212
- [30] Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966, С.52 и сл.
- [31] Яцунский В.К. Историческая география. М., 1955, С. 3
- [32] Берг Л.С. Климат и жизнь. М., 1947.
- [33] Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период. – «Известия ВГО», т. XV, вып. 5, 1933.
- [34] Аполлов Б.А. Доказательство прошлых низких стояний уровня Каспийского моря. В кн.: Вопросы географии, N 24. М., 1951.
- Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за исторический период. – В сб.: Очерки по

физической географии. М. – Л., 1949.

Шнитников А.В. Ритм Каспия. – Доклады АН СССР. Т. 94, 1954, N 4.

[35] Бучинский И.Е. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954.

Бетин В.В., Преображенский Ю.В. Суровость зим в Европе и ледовитость Балтики. Л., 1962.

[36] Берг Л.С. Климат и жизнь. М., 1947, С. 69

[37] Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М. – Пгр., 1923.

[38] Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период. – «Известия ВГО», т. XV, вып. 5, 1933, С.446

[39] Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб. 1829.

Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

[40] Невский П.Л. Тангутская филология. Кн. 1 и 2. М., 1980.

[41] Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. (Ландшафт и этнос: IV). – «Вестник ЛГУ», 1966, N 6, вып. 1, С.62-71.

Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. (Ландшафт и этнос: V), – «Вестник ЛГУ», 1966, N 18, вып.3, С.81 – 90.

[42] Цяньлун – император (1736-1795) династии Цин (маньчжурской) произвел массовое истребление ойратов, причем маньчжуры охотились за женщинами, детьми и старцами, не давая пощады никому. Было уничтожено более 1 млн. ойратов. Но сведения об этом потонули среди малозначительных известий

[43] Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, С. 44

[44] Леруа Ладюри Э. История климата за 1000 лет. Л., 1971, С. 14-15

[45] Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.

[46] Грибанов Л.Н. Изменение южной границы ареала сосны в Казахстане. – «Вестник сельскохозяйственной науки». Алма-Ата, 1956, N 6.

[47] Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным, т. 2, СПб., 1788., С. 20

[48] Вернадский В.И. Биосфера. – Избр. соч., т. V. М. – Л., 1960.

[49] Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников. – «Природа», 1972, N 4.